

В. В. Мавродин, И. Я. Фроянов

**Ф. ЭНГЕЛЬС И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ЭВОЛЮЦИИ ОБЩИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
НА РУСИ IX—XII вв.**

В основе социально-экономических перемен, совершающихся в любом аграрном обществе, лежат сдвиги в поземельных отношениях. Это целиком относится и к Древней Руси IX—XII вв. — стране по преимуществу земледельческой. Следя за дроблением форм землевладения на Руси, исследователь не может пройти мимо высказываний Ф. Энгельса на аналогичную, хотя и затрагивающую историю других народов, тему. Опираясь на лучшие достижения этнографической и исторической науки, он раскрыл последовательный ход развития землевладельческих порядков от первобытного общества до классового. Свой анализ Ф. Энгельс начинает с наиболее архаического вида землевладения. «Два стихийно возникших факта, — говорит он, — господствуют в первобытной истории всех или почти всех народов: разделение народа по признаку родства и общая собственность»¹. В письме к К. Каутскому от 2 марта 1883 г. Ф. Энгельс подчеркивал, что общность земли есть первобытная, перенесенная из животного мира². «Все дальнейшее развитие, — замечает Ф. Энгельс, — заключается в постепенном отмирании этой первобытной общности»³.

Современная этнография находит все больше и больше подтверждений для этих мыслей Ф. Энгельса. Устанавливая наличие общей собственности на землю, свойственной первичной общественной формации, Ф. Энгельс воссоздал и присущую ей градацию, показав, таким образом, сложную структуру первобытного землевладения. Согласно Ф. Энгельсу, земля находилась в собственности племени, распоряжавшегося земельным фондом, который передавался «в пользование сначала роду, позднее самим родом — домашним общинам, наконец, отдельным лицам»⁴. Эта сложная картина земельных отношений в первобытнообщинном мире недостаточно учитывается историками, изучающими землевладение в ранний период русской истории. Обычно они рассматривают проблему по линии: патриархальная община — соседская община — крупное землевладение, перенося центр тяжести на процесс экономического распада первобытного строя и возникновения феодализма⁵. Между тем без пристального внимания к обозначенной Ф. Энгельсом первобытной иерархичности в поземельных отношениях многие явления, связанные с землевладением на Руси IX—XII вв., будут не вполне правильно поняты.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 329.

² Там же, т. 35, стр. 376.

³ Там же.

⁴ Там же, т. 21, стр. 161.

⁵ Б. Д. Греков, Киевская Русь, М., 1953, стр. 523—525; С. В. Юшков, Общественно-политический строй и право Киевского государства, М., 1949, стр. 41, 42; Л. В. Черепнин, Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века), «Вопросы истории», 1953, № 4, стр. 46—53; сб. «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР VIII—IX вв.», М., 1958, стр. 842, 833, 842, 853, и др. исследования.

При всей чрезвычайной скудости источников, поднимающих завесу над социально-экономической историей восточных славян, предваряющей образование Киевского государства, мы все же имеем некоторые сведения, бросающие какой-то свет на интересующие нас явления. Первый источник, к известиям которого мы обращаемся, — «Повесть временных лет». Задача наша состоит не столько в том, чтобы собрать материал о докиевской эпохе восточного славянства, сколько в том, чтобы прокомментировать его с точки зрения этнографии. Описывая быт полян, монах-летописец сообщает: «Подем же жившем особе и володеющем роды своими, иже до сее братье бяху поляне, и живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим»⁶. Б. Д. Греков, толкуя содержание приведенного отрывка, писал: «Тут мы имеем указание на то, что летописец все-таки знал кое-что о далеком прошлом славян и говорит нам о форме их древнейших общественных отношений, называя ее родом»⁷. Но информация, которую несет источник, и богаче и разнообразнее, чем кажется с первого взгляда. Идеей рода глубина ее не исчерпывается. Уже начальная фраза наводит на размышление. «Подем же жившем особе», — читаем в летописи⁸. Как понять это замечание? Мы полагаем, что поляне жили отдельно от других племен, будучи чем-то единым, составленным из подразделений, именуемых родами («и володеющем роды своими»), причем каждый род сидел «на своих местех», управляясь самостоятельно («владеюще кождо родом своим»). Итак, поляне, жившие особняком, являли собой нечто целое, собранное из родов, занимающих свою территорию. Под целым, видимо, надо разумеать племя, существующее «особе» от других племен. Здесь мы замечаем как раз то, о чем говорил, расширяя наблюдения Л. Морган, Ф. Энгельс. «Каждое племя, — указывает он, — владело, кроме места своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли. За пределами этой области лежала обширная нейтральная полоса, простиравшаяся вплоть до владений ближайшего племени; у племен с родственными языками эта полоса была уже; у племен, не родственных друг другу по языку, — шире... Область, отделенная такого рода неопределенными границами, составляла общую землю племени, признавалась таковой соседними племенами, и племя само защищало ее от посягательств»⁹. Значит, наличие собственной территории у племени — факт, закономерный для родо-племенного строя. Это, конечно, относится и к восточным славянам.

По словам Ф. Энгельса, «среди латинских племен мы находим землю частью (во владении племени, частью во владении рода, частью же во владении домашних хозяйств...»¹⁰. Л. Морган, отмечая то же самое, писал еще и о том, что «переведенные в Рим роды равно, как и начальные латинские и сабинские роды, остались территориально обособленными»¹¹. Наблюдения Ф. Энгельса и Л. Морган над римскими родовыми древностями находят полную поддержку и подтверждение в работах советских исследователей истории древнего Рима¹². Эти наблюдения помогают нам понять ремарку летописца о славянах, которые «живяху кождо с родом своим и на своих местех». Нельзя тут не видеть древнейшее отечественное

⁶ «Повесть временных лет», ч. 1, М.—Л., 1950, (далее — ПВЛ, ч. 1), стр. 12.

⁷ Б. Д. Греков, Указ. раб., стр. 79.

⁸ Летописец неоднократно подчеркивает это: «поляном же жившем особе» (ПВЛ, ч. 1, стр. 11); «поляном же живущем особе, яко же рекохом» (там же, стр. 14).

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 92, 93, 159.

¹⁰ Там же, стр. 121.

¹¹ Л. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 167.

¹² См.: Е. Г. Кагаров, Энгельс и проблема римского рода, «Вопросы истории классового общества», М.—Л., 1936; А. И. Немировский, История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства, Воронеж, 1967, стр. 128—130, 133, 137—138; С. И. Ковалев и Е. М. Штаерман, Очерки истории древнего Рима, М., 1956, стр. 24—25, 26—27.

свидетельство насчет общинного землевладения, племенного и родового, *
бытовавшего у наших предков.

Собственность на землю племени и рода постепенно перестраивалась, «Возрастающая плотность населения,— пишет Ф. Энгельс,— вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа»¹³. В результате землевладение еще больше дробилось: часть земли принадлежала селу, а земли, на которые село не претендовало, были «в распоряжении сотни; то, что не попадало в надел сотни, оставалось в ведении (всего округа; оказавшаяся и после этого неподделенной земля — большей частью очень значительная площадь—находилась в непосредственном владении всего народа»¹⁴. Важно при этом помнить: в ведение народа поступали незанятые, бесхозные, по выражению Ф. Энгельса, земельные массивы¹⁵.

Древнерусские археологические источники согласуются как с летописной картиной, так и с общеметодологическими положениями Ф. Энгельса. После тщательного изучения погребального обряда, распространенного среди радимичей, вятичей и дреговичей, Г. Ф. Соловьева сумела выделить ряд локальных групп в областях, заселенных этими племенами. У радимичей она нашла восемь таких групп, у вятичей — шесть и у дреговичей — две¹⁶. Каждая группа, по мнению Г. Ф. Соловьевой, представляла собой первичное племя, а совокупность их — племенной союз¹⁷.

Картографирование остатков восточнославянских поселений VIII—IX вв., расположенных в лесостепной полосе, показывает, что они размещались «гнездами, но 3—4 поселения, отстоящих одно от другого до 5 км»¹⁸. По данным же Б. А. Рыбакова, число поселений-городищ в гнезде достигало 5, 10, 15¹⁹. Любопытно и то, что сгусток поселков (гнездо) отделялся от других гнезд незаселенной полосой в 20—30 км²⁰. Размеры гнезд, как считает Б. А. Рыбаков, близки к размерам племен и охватывают пространство 30X60, 40X70 км²¹. Вряд ли мы ошибемся, если единичное поселение-городище примем за род, гнездо поселений — за племя²², а объединение их — за племенной союз. Но раз так, стало быть,

¹³ К-Маркси Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164.

¹⁴ Там же, т. 19, стр. 330.

¹⁵ Там же, стр. 495.

¹⁶ Г. Ф. Соловьева, Славянские племенные союзы по археологическим данным, Автореф. канд. два, М., 1963, стр. 10—12; ее же, Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э., «Сов. археология», XXV, 1956, стр. 156—165.

¹⁷ Г. Ф. Соловьева, Славянские племенные союзы..., стр. 13; ее же, Славянские союзы племен..., стр. 166. Аналогичная расстановка наблюдалась не только у восточных славян. Л. Нидерле по поводу лютичей, бодричей и сербов писал, например, следующее: «Каждое из этих больших племен делилось в свою очередь на ряд меньших: лютичи на чрепенанов, ратарей, укрнов, стодоранов (гавеланов) и пр.; бодричи — на вагров, вранов, смолинцев, древян, рагогов; сербы — на лужичан, милян и т. п.». См.: Л. Нидерле, Человечество в доисторические времена, СПб., 1898, стр. 523.

¹⁸ И. И. Ляпушкин, Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.), Л., 1968, стр. 128.

¹⁹ Б. А. Рыбаков, Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси, сб. «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР», М., 1969, стр. 27.

²⁰ Сб. «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы», стр. 852; И. П. Русанова, Исследования памятников на р. Гнилопяти, «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 142—146. (По И. И. Ляпушкину, расстояние между гнездами исчислялось иногда сотней километров и более: И. И. Ляпушкин, Указ. раб., стр. 128).

²¹ Б. А. Рыбаков, Указ. раб., стр. 27.

²² Не исключено, что в этом гнезде «сидела» фратрия, как полагает С. С. Ширинский. См.: С. С. Ширинский, Объективные закономерности и субъективный фактор становления Древнерусского государства, «Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. Сб. статей», М., 1970, стр. 193.

есть основание считать, что у восточных славян существовало коллективное землевладение, представленное родом, племенем, союзом племен (народом, народцем — как угодно).

Однако Время внесло поправки и в эту структуру. По мере того, как союзно-племенная организация трансформировалась в государственный организм, по мере того, как поднималась и крепла публичная власть, персонифицированная в лице князя, место народа, бывшего собственником пустующих земель, стал занимать князь, но не в роли частного владельца, а как представитель всего народа. Словом, складываются такие поземельные связи, какие Ф. Энгельс подметил в Швеции, где отдельное «село имело сельскую общинную землю (*bys almännigar*) и наряду с этим существовала общинная земля сотни (*härad*), округа или земли (*lands*) и, наконец, общинные земли, на которые претендовал король, как представитель всего народа в целом, и поэтому в данном случае носившие название *konungs almännigar*. Однако все эти земли без различия, даже и королевские, назывались *almännigar*, альмендами, общинными землями»²³. Мало-помалу из «княжеской альменды» образуется фонд земель, принадлежащих государству. Ясно, что это могло произойти тогда, когда последнее сформировалось и окрепло. Там, где княжеская власть, воплощавшая государство, была сильной, государственной землей распоряжался сам князь, но там, где она оказалась слабой, землей распоряжалось вече.

Хотя древнерусские источники дают наглядное представление о государственном земельном секторе в Киевской Руси, в советской историографии не придавалось этому фактору должного значения. В последнее время лишь Б. Л. Янин касался упомянутой темы²⁴. Остановимся и мы на некоторых наиболее выразительных сведениях, взятых из древних памятников. «Се яз князь великий Изяслав Мстиславич, — читаем в одной грамоте, — по благославлению епжжупа Нифонта вопрошал есмь у Новгорода святому Пантелемону землю село Витославицы и смерды и поля Ушково и до прости»²⁵. Из выписки явствует, что под эгидой новгородского веча находились земли, в данном случае населенные смердами — пленниками, посаженными на землю²⁶. Другой источник — Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича, учреждающая епископию в Смоленске, — свидетельствует: «А се даю... Село Дросевское, со изгой и з землею святей Богородици и епископу, и село Ясенское, и з бортником и з землею и с изгой, святей Богородици и епископу; и озера Нимикорская и с сеножатми, и уезд иняж, и на Сверковых луках сеножати, и уезд княж, озеро Колодарское, святей Богородици. И се даю на посвет святей Богородици из двора своего, Го҃см калии воску и на горе огород с капустником и с женою и з детми, за рекою, тетереvник с женою и з детми святей Богородици и епископу»²⁷. Формуляр грамоты весьма красноречив: «сдумав с людьми своими», т. е. рассудив на вече²⁸, Ростислав наделяет епископию селами Дросенским с изгоями, Ясенским вместе с борт-

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 330.

²⁴ В. Л. Янин, Из истории землевладения в Новгороде XII в., «Культура Древней Руси», М., 1966, стр. 332; его же, Проблемы социальной организации новгородской республики, «История СССР», 1970, № 1, стр. 46. Надо, впрочем, оговориться, что В. Л. Янин пишет об общественном земельном фонде («Проблемы социальной организации...», стр. 46), подразумевая под ним «участки, тянущие к епископу, в городские потуги и к свободным смердам» («Из истории землевладения...», стр. 322). Мы, как станет очевидно ниже, иначе понимаем существо проблемы.

²⁵ В. И. Корецкий, Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю, «Исторический архив», 1955, № 5, стр. 204.

²⁶ См.: И. Я. Фроянов, Смерды в Киевской Руси, «Вестник Ленингр. ун-та», 1966, № 2.

²⁷ «Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв.», составитель А. А. Зимин, М., 1953, стр. 41.

²⁸ Там же, стр. 45.

ником и изгоями, озерами, сеножатыми, а потом уже из своего двора отдает огород и прочее. Эта особенность формуляра навела И. И. Смирнова на вполне вероятное предположение, что села Дроеенское и Ясенское не были княжескими, «не входили в состав княжеского двора и не являлись, таким образом, составной частью княжеской вотчины»²⁹. То же следует сказать относительно озер и сеножатей, фигурирующих в грамоте. Но согласившись с И. И. Смирновым в этом, мы не можем принять дальнейшие его выводы, а именно то, что он относит названные села к общинной земельной собственности и что население этих сел не исчерпывалось одними изгоями, а состояло еще и из свободных крестьян³⁰. Тут И. И. Смирновым руководила исключительно внутренняя логика. Но отчего, спрашиваем мы, отдельные села на Руси XII в. могли быть укомплектованы, например, челядью³¹ или смердами³², а изгоями не могли? Не странно ли? Возвращаясь же к источнику, замечаем в нем такие детали, которые позволяют с уверенностью говорить об изгоях как единственных жителях села Дросенокского. В грамоте сказано: «...Село Дросенское, со изгой и з землею...». Когда речь идет о втором селе, Ростислав перечисляет: «...село Ясенское, и з бортником и з землею и с изгой». Значит, если в селе, помимо изгоев, жил еще кто-то, в грамоте об этом заявляется со всей определенностью. Но о независимых крестьянах в ней нет и помину. Будь они, ничего не помешало бы ее составителю сказать: «Село Дросенское, со кзгой, людьми и з землею... Село Ясенское и з бортником и з землею и с изгой и с людьми...». Итак, называемые грамотой села не принадлежали ни князю как частному владельцу, ни крестьянской общине, а государству, в чьем владении были также озера и сеножати, жалуемые «святией Богородици и епископу». О наличии государственных земель в Древней Руси, по нашему мнению, рассказывает Киево-Печерский патерик, где читаем, как преподобный Феодосий «посла единого от братия к князю, рек тако: „Княже благочестивый, Бог умножает братию и месце мало, просим у тебе, дабы еси нам дал гору ту, иже над печерою“. Князь же Изяслав, син слышав, зело радостен бысть; и посла к ним болярина своего, дасть им гору ту»³³. Видимо, Изяслав распорядился горою как представитель государства. Недаром для оформления этого дела был снаряжен государственный чиновник — боярин.

Таким образом, существование государственного землевладения в Древней Руси — вполне реальная вещь. Первоначально оно собиралось из никем не занятых земель. Впоследствии государство проводило мероприятия по заселению их пленниками (челядью), именовавшимися смердами, и некоторыми другими категориями зависимого люда. Понятно, что этими мероприятиями государство стремилось обеспечить себя доходами, вливавшимися в государственный бюджет. Складывание подведомственного государству земельного фонда происходило тем успешней, чем быстрее и увереннее шел процесс формирования самого государства. И теперь нам следует опять вернуться к Ф. Энгельсу, его высказываниям, которые многое, здесь разъяснят.

Какие явления стали предпосылкой возникновения государственной формы землевладения? В работе «Франкский период» Ф. Энгельс пишет: «С ростом численности народа и дальнейшим его развитием все больше и больше забывали о союзе, основанном на кровном родстве и служившем здесь, как и повсюду, основой для всего строя народной земли. Это прежде всего сказалось на народе в целом. Общее происхождение все в меньшей степени воспринималось как подлинное кровное родство, па-

²⁹ И. И. Смирнов, К вопросу об изгоях, «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей», М., 1952, стр. 106.

³⁰ Там же.

³¹ «Полное собрание русских летописей», т. 2, М., 1962, стр. 493.

³² ПВЛ, ч. 1, стр. 183.

³³ «Патерик Киевского Печерского монастыря», СПб., 1911, стр. 13.

мать о нем все больше ослабевала, оставались лишь общая история и общее наречие. Напротив, сознание кровного родства у жителей каждого отдельного округа, естественно, сохранялось дольше. Таким образом, народ превратился в более или менее прочную конфедерацию округов»³⁴. Но и в округе кровнородственный союз хирел³⁵. Настала пора, когда «с трудом могли еще удержаться союзы отдельных сельских общин, основанные на кровном родстве, и благодаря этому они стали настоящими политическими единицами, из которых составлялся народ»³⁶. Вот так и получилось, что «народ растворился в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой, или почти никакой экономической связи, так как каждая марка удовлетворяла свои потребности собственным производством, а отдельные соседние марки производили к тому же почти в точности те же самые продукты»³⁷. Дальнейшее существование народа становится немыслимым без государственной власти³⁸. А коль последняя возникла, она вырвала у народа право собственности, которым он раньше располагал в отношении земель, не попавших в надел округам и общинам.

Поздний тип общины—марки отличался «индивидуальной обработкой земли отдельными семьями» и сперва «периодическим, а затем окончательным разделом пахотной земли и лугов»³⁹. Ф. Энгельс вслед за М. М. Ковалевским пришел к заключению, что данный тип общины — марки развился из домашней патриархальной общины с общим землевлaдением и совместной обработкой земли, которая в свою очередь была переходной ступенью от семьи, «возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира»⁴⁰. Ф. Энгельс находил в Древней Руси как сельские, так и патриархальные домашние общины. Он писал: «Только приблизительно десять лет тому назад было доказано, что такие семейные общины продолжают существовать и в России; теперь общепризнано, что они столь же глубоко коренятся в русских народных обычаях, как и сельская община. Они фигурируют в древнейшем русском сборнике законов, в «Правде» Ярослава, под тем же с-амым названием (vervj), как и в далматинских законах...»⁴¹. Было бы неоправданно из указания Ф. Энгельса на одновременное существование сельской и семейной общины в Древней Руси делать вывод, будто он рассматривал семейную общину как эпизод или как пережиток старины, утративший социальную актуальность. Со стороны семейно-брачных отношений Русь X в. представлялась ему недалеко ушедшей от первобытных истоков, ибо еще тогда встречались явления, связанные с групповым браком⁴². Конечно, современный уровень знаний о социальной истории Древнерусского государства не позволяет отождествить вервь с семейной общиной. Ее структура была несколько сложнее: она совмещала в себе как родственные, так и соседские отношения. Но нам важно не то, что вервь стояла на грани между семейной и территориальной общиной, а то, что вервь выступала земельным собственником. Право верви на занимаемые ею земли явственно запечатлелась «Русская Правда»⁴³. Следовательно, в Киевской Руси мы встречаем

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 496.

³⁵ Ф. Энгельс объясняет разложение кровнородственных связей в пределах округа переселением германских племен на римскую территорию. Это переселение, конечно, только ускорило распад кровнородственных связей, который непременно произошел бы и в том случае, если бы германцы, как и восточные славяне, пребывали на своих местах,

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 496.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, т. 21, стр. 63.

⁴⁰ Там же, стр. 62.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 134 (примечание).

⁴³ «Правда Русская», т. 1, Тексты, М.—Л., 1940, стр. 123.

различные формы коллективного землевладения: землевладение крестьянских общин (вервей), землевладение волостей (миров?), стягивавших несколько общин, и, наконец, государственное землевладение. Каждый из субъектов собственности располагал только тем, чем не владел другой.

Наряду с коллективным, на Руси формировалось частное землевладение князей, бояр, духовенства. И тут мы упираемся в проблему крупного землевладения и его роли в складывании феодализма.

О значении крупного землевладения в развитии феодальных отношений наши историки судят по-разному. До недавнего времени было общепризнано, что возникновение феодализма без подъема крупного землевладения представить невозможно; появление крупных землевладельцев легло в основу феодализационного процесса⁴⁴. Этот, казалось бы, устоявшийся взгляд оспорил А. Я. Гуревич. Он пишет: «Генезис феодализма заключается — если взять наиболее кардинальную линию этого процесса — не в складывании крупного поместья (роль которого в системе феодальной эксплуатации не приходится оспаривать), а в таком изменении положения крестьянства, при котором оно становится объектом эксплуатации со стороны господствующего класса, какую бы специфическую форму эта последняя ни принимала: вотчинной эксплуатации или государственной, ренты продуктами или барщины, сопровождалась ли она „закрепощением“ крестьян или только лишением их полноправия»⁴⁵. В другой работе А. Я. Гуревич в своих теоретических построениях отвел еще меньше места крупному землевладению, поставив во главу угла генезиса феодализма упрочение власти над населением, сопряженной с различными поборами, выколачиваемыми из подвластного люда господствующим классом⁴⁶. Даже в прекарной сделке А. Я. Гуревич нашел наиболее существенным «акт личного подчинения крестьянина; распространение же на его землю права собственности сеньора — следствие признания личной зависимости»⁴⁷.

Мы сошли с главного пути в область историографии, определяющей основные моменты зарождения феодализма, не ради суесловия. Нас заставило так поступить то, что А. Я. Гуревич распространяет свои наблюдения и на Русь. Но он явно недоучитывает значение земли в ранних обществах. Для убедительности автор начинает по порядку, с доклассового общества, где «человек не относился к земле как чему-то внешнему и постороннему ему самому. Земля была условием его существования, но о каких-либо исключительных правах на определенные пространства земли еще не могло быть и речи, во всяком случае, до тех пор, пока не приходили в столкновение два коллектива (племена, поселения), претендовавшие на одну и ту же землю»⁴⁸. О каком этапе доклассового общества идет речь, А. Я. Гуревич не уточняет, а следовало бы, так как и на протяжении первичной формации отношение к земле менялось. Эпоха же варварства была наполнена межплеменными войнами, вызывавшимися то нарушением границ, то притязаниями разных племен на какую-нибудь территорию. А. Я. Гуревич прав, когда говорит о минимальных возможностях письменных и археологических источников, с помощью которых исследователь реконструирует поземельные отношения варваров. Тем удивительнее, что он не воспользовался материалами этнографической науки, а именно они свидетельствуют о суще-

⁴⁴ См., например, А. И. Неусыхин, Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв., М., 1956, стр. 23; Б. Ф. Поршнев, Феодализм и народные массы, М., 1964, стр. 33—43; С. Д. Сказкин, Очерки по истории западноевропейского крестьянства, М., 1968, стр. 94.

⁴⁵ А. Я. Гуревич, Свободное крестьянство феодальной Норвегии, М., 1967, стр. 27.

⁴⁶ А. Я. Гуревич, Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе, М., 1970, стр. 11, 41, 45, 57, 183, 184.

⁴⁷ Там же, стр. 42.

⁴⁸ Там же, ств. 28.

ствовании в бесклассовом обществе права собственности отдельного племени на свою землю, о наличии широких ничейных полос (это ли не доказательство, что в ту пору люди относились к земле «как к чему-то внешнему»?), пролежавших между племенами. Переселения племен тоже сопровождались борьбой за землю, что казалось бесспорным уже дореволюционным ученым. «Среди условий,— замечает А. Л. Погодин,— которые могли вызывать переселение не только германских, но и славянских народов... на первое место должны быть выдвинуты естественные причины, заставлявшие племена бросать в паническом ужасе свои насиженные места и отправляться в поисках удачи. Кажется, теперь общепризнано, что главной из этих естественных причин был недостаток земли, годной для земледелия»⁴⁹. Сорвавшись с обжитых земель, варвары, случалось, не отказывались от них и не забывали о своих владельческих правах на покинутые края⁵⁰.

Феодальная рента есть прежде всего земельная рента⁵¹. Данное положение остается непоколебленным даже после красочных примеров внеземельного характера феода, приводимых А. Я. Гуревичем⁵².

Нет слов, в таких странах, как Англия, Норвегия, Русь, пожалование некоторым лицам права сбора кормлений и податей имело существенное значение в росте феодализма. Но ведь и А. Я. Гуревич признает, что феодальное освоение пожалованных территорий происходило позже⁵³. Это освоение, по нашему глубокому убеждению, было не чем иным, как утверждением права собственности на подведомственную территорию. Значит, и тут мы приходим к старой проблеме — формированию крупного землевладения⁵⁴. Выводит, своеобразие становления феодализма в указанных странах заключается лишь в специфике способов складывания крупного землевладения, без которого феодальные отношения становятся неуловимыми, и нам, действительно, не понять, где кончается простое подданство и начинается феодальный строй. Власть над людьми — еще не феодализм. Он появляется тогда, когда эта власть соединяется с крупным землевладением, являющимся экономической основой феодализма⁵⁵.

В своих суждениях А. Я. Гуревич не одинок. Сходный с ним образ мысли замечен не только у специалистов по истории западного средневековья⁵⁶, но и у занимающихся изучением Древнерусского государства. Так, согласно Л. В. Даниловой, в России «зачатки крупного землевладения вряд ли возможно отнести ко времени ранее второй половины XI в., а классовое общество и государство, эксплуатирующее массу населения через дань, различные налоги и повинности, возникли за несколько сто-

⁴⁹ А. Л. Погодин, Из истории славянских передвижений, СПб., 1901, стр. 114.

⁵⁰ Прокопий Кесарийский, История войн римлян с персами, вандалами и готами. Перевод с греческого С. Дестуниса, «Записки историко-филологического факультета Петербургского ун-та», ч. XXVIII, СПб., 1891, стр. 153, 154.

⁵¹ См. К-Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 367.

⁵² А. Я. Гуревич, Проблемы генезиса феодализма..., стр. 55.

⁵³ А. Я. Гуревич, Проблемы генезиса феодализма..., стр. 45.

⁵⁴ А. Я. Гуревич не может уйти от этой коренной проблемы. Об английском бокленде он, например, говорит как о профилирующей ферме крупного землевладения («Проблемы генезиса феодализма...», стр. 45). Но тут же противоречит себе, говоря, что пожалование в бокленд заключалось в передаче права сборов дохода, а не земельного владения (там же). Второе положение справедливо, хотя и не ново (см.: Д. М. Петрушевский, Очерки из истории английского государства и общества в средние века, М., 1937, стр. 47, 48). Отсюда понятно, почему А. И. Неусыхин (см. его работу «Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному», «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I, 1968, стр. 606) отличает бокленд от феодального землевладения.

⁵⁵ А. Л. Шапиро, О природе феодальной собственности на землю, «Вопросы истории», 1969, № 12.

⁵⁶ См., например: И. Ф. Колесницкий, К вопросу о раннеклассовых общественных структурах, «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I, М., 1968, стр. 635, 636.

летий до этого»⁵⁷. Другой автор, Ю. А. Кизилов, подобно А. Я. Гуревичу, акцент переносит в сферу полигики, доказывая, будто «предпосылкой феодального подчинения устойчивых задруг или вервей являлась не экспроприация непосредственных производителей, а их подчинение власти государственного „связующего единства“ с последующим прикреплением к земле»⁵⁸. Не совсем ясно, в каком соответствии с феодализмом находятся эти два порядка явлений. Можем ли мы усматривать феодализм в подчинении населения государственной власти без прикрепления к земле? Если да, то нетрудно любой контроль публичной власти над людьми подогнать под феодализм. Если же необходимо сочетание подчинения с прикреплением к земле, то о феодализме в России мы сможем говорить только с конца XVI в.

Гораздо последовательнее поступают те историки, которые пытаются изобразить первых древнерусских князей в качестве верховных собственников территории княжества⁵⁹. Но эта внешне стройная концепция находится в остром противоречии с источниками. Возьмем для иллюстрации статью О. М. Рапова, уверенного в том, что «уже в IX—X вв. целый ряд территорий Восточной Европы превратился в собственность Киевского государства и киевских князей, ставших фактически верховными собственниками территоий, входивших в состав Киевской Руси. Собственность киевских князей на землю в IX—X вв. выражалась в раздаче земель отдельным частным лицам для управления и кормления»⁶⁰. Верховная собственность киевских князей устанавливалась в результате завоевания окрестных племен: древлян, северян, радимичей и т. и.⁶¹. Дань, уплачиваемая Киеву побежденными племенами, приравнивается О. М. Раповым к земельной ренте. О. М. Рапов перечислил несколько признаков, позволяющих ему отождествить дань с феодальной рентой: «1) верховный земельный собственник — Киевское государство (фактически — киевский князь); 2) регулярность взимания, установленная „уставами“ и „уроками“; 3) наличие определенных фиксированных площадей, с которых происходило взимание; 4) сбор ренты проводился с помощью внеэкономического принуждения, которое выражалось в изъятии дани вооруженными отрядами княжеских дружинников»⁶². Первый тезис не может быть принят, поскольку факты, приводимые О. М. Раповым, свидетельствуют о взимании дани безотносительно к земле. Только один раз в тексте «Повести временных лет» всплывает слово «земля»: «Иде Володимер на ятвягы, и победи ятвягы, и взя землю их». Здесь «земля» — скорее всего «страна». Поэтому поход Владимира завершился подчинением ятвягов, но не захватом их земель⁶³. В летописи, однако, есть эпизод, живо характеризующий существо даннических отношений. «Посла к радимичем, рька: „Кому дань даете?“ Они же реша: „Козаром“, — рассказывает Повесть. — И рече им Олег: „не дайте козаром, но мне дайте“. И въдаша Ольгови щлягу, яко же и козарам даяху»⁶⁴. Мы не думаем, что сущность дани изменилась от перестановки ее адре-

⁵⁷ Л. В. Данилова, Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ, там же, стр. 43 (примечание).

⁵⁸ Ю. А. Кизилов, Предпосылки перехода восточного славянства к феодализму, «Вопросы истории», 1969, № 3, стр. 98.

⁵⁹ Л. В. Черепнин, Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.), «Вопросы истории», 1953, № 4, стр. 48; его же, Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда, в кн.: А. П. Новосельцев и др., Древнерусское государство и его международное значение, М., 1965, стр. 146; О. М. Рапов, К вопросу о земельной ренте в Древней Руси в домонгольский период, «Вестник Московск. ун-та. История», 1968, № 1.

⁶⁰ О. М. Рапов, Указ. раб., стр. 60.

⁶¹ Там же, стр. 58, 59.

⁶² Там же, стр. 61.

⁶³ Б. Влодарский, Ятвяжская проблема в польско-русских связях, «Международные связи России до XVII в. Сб. статей», М., 1961, стр. 118.

⁶⁴ ПВЛ, ч. 1, стр. 20.

сатсв. По логике же О. М. Рапова, и хазар надо объявить получателями земельной ренты. По поводу остальных черт земельной ренты, отмеченных О. М. Реповым, правильно сказал А. Л. Шапиро, что эти черты в равной мере присущи дани-контрибуции⁶⁵.

Княжеское землевладение на Руси воплотилось в домене. Фонд, из которого князья образовали домениальные владения, состоял из неподделанных земель. Во Франкском королевстве, указывает Ф. Энгельс, это были лесные массивы⁶⁶. Вряд ли в Древней Руси события протекали иначе. Первые известия «Повести временных лет», касающиеся княжеского землевладения, называют «ловища» и «знамения», «перевесища», умалчивая об остальном⁶⁷. С. В. Бахрушин сделал отсюда обоснованный вывод, заявив: «на первом плане тут стоит освоение охотничьих и бортных угодий»⁶⁸. Понятно, почему княжеское хозяйство долго еще оставалось больше промысловым (а потом скотоводческим), чем земледельческим⁶⁹. Историю княжеского домениального хозяйства нужно, по-видимому, вести со второй половины X в. Правда, длительное время княжеские земли были незначительными, и если мы говорим о домене, то, конечно, в условном смысле слова, не забывая о его почти миниатюрной величине.

Из того же фонда неиспользуемых земель князья жаловали земли боярам и отцам церкви. На Западе аналогичные пожалования, отмечает Ф. Энгельс, производились королями, выступавшими «в качестве представителей народа»⁷⁰. Нет причин видеть на Руси нечто совсем иное.

Формирование частного землевладения (князей, бояр, духовенства) на Руси главным образом за счет неосвоенных земель закономерно и естественно, ибо для захвата уже используемых земель верхушка древнерусского общества пока не располагала достаточными средствами⁷¹. Хотя история сопровождается насилием, но не оно, а глубинные процессы направляют в конечном итоге ход вещей. «Уже тот простой факт, — писал Ф. Энгельс, — что поработанные и эксплуатируемые были во все времена гораздо многочисленнее поработителей и эксплуататоров и что, следовательно, действительная сила всегда была на стороне первых, — уже один этот факт достаточно показывает нелепость всей теории насилия»⁷². Что касается русской крестьянской общины, то она утратила право собственности на занимаемую землю в период Московского царства⁷³. Выяснению причин этого должно быть посвящено специальное исследование.

F. ENGELS AND CERTAIN PROBLEMS OF THE EVOLUTION OF COMMUNAL LAND OWNERSHIP IN IX—XII CENTURY RUSSIA

The article examines the evolution of communal land ownership in Russia in the IX—XII centuries in the light of Engels' methodological heritage. The authors show the multiformity of communal land ownership among the Eastern Slavs and in the Early Russian State. It includes such forms as land ownership by clans, tribes, peasant communities, *volosts* comprising several communities and, lastly, by the state.

The authors touch upon the question of the role of large land property in the process of feudalization in Early Russia and determine the sources of its growth.

⁶⁵ А. Л. Шапиро, Указ. раб., стр. 69 (примеч.).

⁶⁶ К.-Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 21, стр. 151.

⁶⁷ ПВЛ, ч. 1, стр. 43.

⁶⁸ С. В. Бахрушин, Держава Рюриковичей, «Вестник древней истории», 1938, № 2, стр. 94.

⁶⁹ С. В. Вознесенский, К вопросу о феодализме в России, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, стр. 227.

⁷⁰ К.-Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 337.

⁷¹ Мы, разумеется, не отрицаем полностью насильственных захватов земли. Нам хотелось подчеркнуть, что не они обусловили рост крупного землевладения.

⁷² К.-Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 183.

⁷³ См.: Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в удельной Руси, СПб., 1910, стр. 247—259; Ю. Г. Алексеев, Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв., М.—Л., 1966, стр. 13—41, 162—167, 168—185.